МАРИНА
КРАМЕР
МЕРТВЫЕ ХРИЗАНТЕМЫ
ПРОШЛОЕ — ЗЕРКАЛО ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

Марина Крамер

Мертвые хризантемы

«Эксмо»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Мертвые хризантемы / М. Крамер — «Эксмо», 2022 — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер)

ISBN 978-5-04-164877-0

В тихом Осинске один за другим погибают молодые симпатичные мужчины — все приезжие, с местными жителями никак не связанные. Похоже, что в городке завелся маньяк, визитная карточка которого — оставленная на трупе хризантема. Мэр города Анита Комарец подозревает, что к убийствам причастны силы, не желающие видеть ее в мэрском кресле после очередных выборов. Да и собственная падчерица, фанатично увлеченная хризантемами Кику, тоже не дает расслабиться. Все в этом деле сплошная загадка, включая орудие убийства, установить которое не могут даже специалисты. Но у Полины Каргополовой уже есть опыт успешного расследования преступлений маньяка. Быть может, женский взгляд на вещи вновь позволит высмотреть кончик ниточки и распустить весь клубок? Новая книга! Марина Крамер знает, на что способна женщина-искусительница. Героини её романов обладают жгучим, как чили, взглядом, и твёрдым, как сталь, характером. Но при этом они – настоящие женщины в своих милых слабостях и в стремлении к счастью. А то, что к этому счастью приходится идти через тернии невзгод и ураган пуль — это закон жанра, в котором пишет Марина Крамер. Закон дерзкой криминальной мелодрамы!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164877-0

© Крамер М., 2022
© Эксмо, 2022

Марина Крамер
Мертвые хризантемы

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Крамер М., 2022
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Тело молодого мужчины лежало в кустах недалеко от дороги. Хорошая чистая одежда, дорогие туфли, рядом – кожаный коричневый портфель.

Эксперт, присев на корточки, внимательно осматривал труп.

– На первый взгляд никаких следов. Давайте перевернем, если снимки сделали, – попросил он и, когда тело перевалили на другой бок, присвистнул: – А вот и… – он пальцем указал на едва заметное отверстие ромбовидной формы на левой стороне груди мужчины. – И кровь вся под телом… и края разреза какие-то… ну-ка, снимите крупно, – обратился он к фотографу. – Никогда такого не видел…

– Погодите, как это – «никогда»? – чуть склонившись, перебил фотограф. – А два месяца назад в карьере?

Эксперт поднял голову и пару секунд изумленно смотрел на фотографа, даже рот приоткрыл.

– Слушайте, Слава… – обратился он к широкоплечему оперативнику в кожаной куртке, изучавшему только что вынутый из портфеля убитого паспорт, – а ведь он прав. Два месяца назад, в карьере… тоже молодой мужчина, хорошо одет, ничего не похищено… Он прав, Слава, совершенно верно… только крови тогда под телом не было, – снова склонившись над трупом, пробормотал эксперт.

– Аркадьич, я тебя умоляю – давай ты в помещении охать продолжишь, – произнес у него за спиной второй оперативник, шмыгнув носом. – Ну, холодно ведь, заканчивайте, следователь уехала уже, а мы все тремся…

– Илья, что вы ноете? – невозмутимо отозвался эксперт, продолжая рассматривать порез. – Все кусты обшарили уже, все осмотрели? Ничего не нашли? Ну, идите, в машине погрейтесь, закончу – поедем. А следачка уехала, даже до конца осмотра не осталась – думаете, так правильно? Ей, смотрю, вообще все равно, я с ней не первый раз выезжаю – никакого интереса, как будто номер отбывает.

– Ага, а должна мордой в труп окунаться…

– Не мордой, конечно, это не ее работа, а вот интерес проявить – да, должна бы, если раскрыть хочет, а не висяк очередной получить.

– Молодая, научится…

– Нет, Илюша, не научится. Потому что не хочет. Все, идите, грейтесь, там термос на заднем сиденье, жена кофе с собой сделала. Я скоро закончу.

Следователь

Полина Дмитриевна Каргополова сидела на подоконнике, чуть приоткрыв окно, и курила, высунув руку с сигаретой на улицу. Избавиться от вредной привычки удалось только на время беременности и полгода после родов, а потом Полина сперва перестала кормить сына грудью, а затем и вовсе вышла на работу, доверив ребенка заботам сестры и мужа. Это, кстати, было его идеей – Лев считал, что бизнес отлично идет и без его ежедневного присутствия, а Полина без работы зачахнет.

– Не муж, а золото, – всякий раз вздыхала сестра-двойняшка Виталина. – Ну кто другой стал бы терпеть бабу, вместо декрета ринувшуюся опять копаться в трупах и ловить убийц?

– Ты, Вита, ошибаешься, – тут же заступался за Полину Лев, аккуратно прижимая к груди уснувшего на его руках сына. – Тут вопрос правильно расставленных приоритетов, вот и все. В семье надо поддерживать друг друга и понимать потребности. Так уж случилось, что твоей сестре плохо дается домашнее хозяйство, зато отлично – ловля преступников. А я могу даже хлеб испечь, не говоря уже обо всем остальном, и бизнес мой от этого не пострадает, потому что все отлажено и может контролироваться телефонными звонками и парой визитов в офис в неделю. Ну так почему я должен настаивать на каких-то гендерных предрассудках? Почему она должна в ущерб тому, что умеет и любит, делать то, что у нее не получается и не приносит никакого удовлетворения? Не в том ли заключается любовь, чтобы не давить, а помогать и поддерживать?

– Ты, Лева, такой пафосный, – хихикала Виталина, испытывая, однако, радость за сестру.

Лев был надежным, умным и понимающим, он так относился к Полине, что впору было завидовать, но между сестрами никогда не возникало такой проблемы, как мужчина. Виталина была замужем, счастлива в браке и воспитывала двоих детей, успевая еще и помогать Полине и Льву присматривать за тринадцатилетней Инной и полуторогодовалым Иваном.

Полина с тех пор, как вернулась на работу, занималась только особо тяжкими преступлениями, начальство не нагружало ее кражами или чем-то подобным. Но в их довольно небольшом городе такие преступления совершались редко, хотя убийств хватало, так что сегодняшнее распоряжение о выезде в командировку в Осинск Каргополова восприняла почти спокойно, только поинтересовалась, почему именно на нее пал выбор.

– Тамошний мэр надавила какие-то кнопочки, и из министерства распорядились послать тебя, – объяснил прокурор. – У них там два трупа со схожим способом убийства.

– А меня, выходит, назначили специалистом по маньякам?

– Ну после твоего успеха с Нифонтовым…

– Какой там успех… – криво усмехнулась Полина. – Если бы я не дала ему вскрыть себе артерию…

– Но ведь ты его вычислила, ты из него вытянула все…

– Ничего я не вытягивала, он сам все рассказал – такие любят перед смертью душу облегчить. Так что моей заслуги в этом никакой.

– Но в Осинск, дорогая, поедешь все равно ты, так уж вышло. Иди, получай все, что положено, гостиница заказана, билеты тоже, в общем, сегодня свободна, собирай вещи.

– А материалов никаких не прислали?

– Только фото. – Перед ней возникла стопка снимков, которую Полина молча сгребла со стола и отправилась в свой кабинет.

Там, разложив фотографии, она долго всматривалась в изображенные на них тела и их более крупные фрагменты, пытаясь понять, есть ли на первый взгляд хоть что-то общее. Тако-

вым было только одно – место входа орудия убийства в виде небольшого ромба между четвертым и пятым ребром, сантиметра на полтора левее грудины.

– Интересно, что это может быть? – бормотала Полина, поднося снимки к глазам и вновь отстраняя их. – Что бы это ни было, оно не плоское… на нож не похоже… и маленькое по сечению, ромб виден только на увеличенных снимках…

Она несколько раз отрывалась от рассматривания фотографий, закуривала, усевшись на подоконник, снова брала снимки.

– Не хватает данных… не хватает… – бормотала она. – Кто эти мужики, что они делали далеко за городом в такой неподходящей для лесных прогулок одежде? И почему именно они?

Ответы на эти вопросы она могла найти только в Осинске.

– Лева… – Полина виновато смотрела на мужа, привычно загружавшего посудомойку после ужина. Новость о командировке супруги он воспринял спокойно, но ей казалось, что Лев недоволен, просто хорошо это маскирует, чтобы она не подумала, будто он против. – Лева, это важно, понимаешь? Там уже два трупа с одинаковым почерком, может быть серия…

– Поля, ты, похоже, оправдываешься? А за что?

– Ну…

Лев развернулся от раковины, вытер руки полотенцем и посмотрел на жену, забравшуюся с ногами на табурет:

– Мы ведь договаривались, Поля. Работа есть работа, и у тебя она – такая. Почему ты оправдываешься?

– Но Ваня… и у Инки школа, уроки… ты и так все время с ними…

– И ты, значит, чувствуешь свою вину? – насмешливо спросил муж, щелкая кнопкой чайника. – Тогда пиши заявление, сиди дома и воспитывай Инку и Ваню, а преступников пусть ловит тот, у кого детей нет – так? Почему ты постоянно себя за что-то грызешь, Поля? Сидела в декрете – страдала, что без тебя кто-то делает твою работу. Вышла из декрета – переживаешь, что без тебя я воспитываю наших детей. А равновесие найти – никак? Вот просто для себя взять и уложить все так, чтобы не колыхалось?

Полина опустила голову. Лев был прав – она постоянно испытывала угрызения совести. Ей казалось, что она свалила все домашние дела на мужа, что дети растут без ее участия, что она мало внимания уделяет и им, и Льву.

– А как же наш уговор о том, что мы делаем то, к чему у каждого лежит душа? – Муж присел на корточки перед табуретом и взял Полину за руку. – Ты работаешь, я совмещаю. В этом нет ничего страшного. Надеюсь, дело не в общественном мнении, а? – Он щелкнул Полину по носу.

– Нет, конечно, просто… не знаю, Лева, я все время сомневаюсь, ты прав. Можно ли быть хорошим профессионалом и одновременно хорошей матерью… другие-то могут, а у меня не получается.

– У них голова иначе устроена, и результаты другие. Прекрати, Полина, ну, серьезно. Мне казалось, что мы давно обо всем договорились. Куда ты едешь?

– В Осинск.

– В Осинск?! С ума сойти…

– Почему?

– Потому что я очень давно там не был и только на днях думал, что неплохо бы сгонять хоть на выходные.

– А… что у тебя там, в Осинске этом?

– Я там практику студенческую проходил на местном цемзаводе. Градообразующее предприятие, там все пылью цементной пропитано, – усмехнулся Лев. – Но ты знаешь, это было самое счастливое время – молодые, здоровые, беззаботные. Отработали день – и весь вечер и

всю ночь гуляй, пиво, дискотеки, девушки… – он мечтательно закатил глаза, и Полина в шутку ткнула его кулаком в плечо:

– Ты не заговаривайся, отец семейства! «Девушки»!

– А что? Это до нашего знакомства было. Но знаешь, что самое любопытное? Мой одногруппник Витька Филатов теперь этим цементным заводом руководит. Мы иногда по работе перезваниваемся, так что, если хочешь, я ему позвоню и попрошу, чтобы устроил тебя по-человечески. А то знаю я вашу контору – поселят в какой-нибудь дыре.

– Ой, Лева… какая разница, куда ночевать приходить?

– А мы бы могли с детьми как-нибудь в выходной к тебе приехать, – нанес решающий удар Лев, и Полине пришлось согласиться:

– Ладно, черт с тобой. Только давай так – я сперва осмотрюсь, прикину, что там к чему, а потом сама позвоню твоему приятелю, если в этом будет необходимость.

Лев только головой покачал. Полина иной раз до смешного хотела быть самостоятельной, не пользоваться поддержкой и решать вопросы без помощи мужа, и Лев уважал это стремление, хотя в некоторых случаях считал его излишним. Что, например, плохого в том, чтобы сейчас принять помощь Филатова и устроиться с комфортом в нормальной гостинице вместо той, что может позволить мизерный бюджет прокуратуры? Но у Полины свои резоны, и с этим Лев тоже привык считаться.

– Когда едешь? – спросил он, вставая и вынимая из шкафа две чашки.

– Завтра. У меня билеты на вечерний поезд, утром буду на месте. Заселюсь в гостиницу, приму душ – и к коллегам.

Психотерапевт

Комплекс утренних упражнений выполнялся автоматически, сам собой, словно тело действовало в полном отрыве от головы – так надо, так привычно, так правильно. Через полчаса – контрастный душ, потом чашка кофе и просмотр почты, беглое чтение новостей и телефонный звонок. Можно, конечно, и не звонить, но… Так надо, так привычно, так правильно.

– Доброе утро. Как твое самочувствие?

– Доброе утро. Спасибо, все хорошо. Как ты?

– Я в порядке, собираюсь на работу.

– Хорошего дня.

– И тебе.

Положить трубку, задержать дыхание, зажмурить глаза, посидеть так, считая до десяти, а потом резко выпустить из себя воздух с шумным звуком – словно сбросить негатив, затопивший изнутри, как воду с плотины. Все, можно собираться.

Эти ритуалы, такие обыденные, незатейливые, давно не приносили ничего – ни удовольствия, ни раздражения. «Так надо, так привычно, так правильно», – повторяя это, было легче совершать какие-то действия – всегда, с самого детства. И сейчас, в тридцать четыре, это тоже помогало, как тогда – в семь, в двенадцать, в двадцать.

Звякнул телефон, сообщая о пришедшем сообщении. Читать некогда, и так уже опаздывает. «Ничего, на работе прочитаю, вряд ли что-то срочное».

Машина, ухоженная серебристая «Ауди», стояла прямо у подъезда, приветливо моргнула стоп-сигналами, разблокировав двери. Бросить ноутбук на переднее сиденье, туда же – сумку, укрепить в держатель на панели телефон, включить навигатор – не для того, чтобы проложить курс, а для контроля дорожной обстановки – не хватало еще и в пробку попасть, раз уж и так опаздывает. Все, можно ехать.

Небольшой отреставрированный двухэтажный дом в самом центре города, историческое здание – бывший особняк купца Михайлова, местного благотворителя и фабриканта, после революции сбежавшего с семьей куда-то в Европу. Теперь – Центр психотерапии и коррекции веса, так выгоднее. Арендовали пополам с партнером, бывшим однокурсником, однако конкуренцию друг другу не создавали, у каждого – свои пациенты, их потоки даже не пересекались, на первом этаже – две стойки, за каждой – свой регистратор, даже форма у них разного цвета. Всем удобно, всем выгодно, никаких трений. С партнером можно выпить кофе в маленьком ресторанчике через дорогу, если вдруг совпадут «окна» в расписании, поболтать о том о сем… А можно не видеться месяцами, тоже удобно.

У двери кабинета на втором этаже – приветливая, улыбчивая секретарь Маша:

– Доброе утро. До первого клиента осталось ровно пятнадцать минут, сварить кофе?

– Доброе утро, Маша. Спасибо, кофе не нужен. Клиент придет – сразу запускайте.

– Хорошо. Я цветы сменила в вазе.

– Спасибо.

Цветы в вазе, цветы в вазе… тоже привычка. В любое время года в кабинете должны быть свежие цветы, что бы ни случилось. Да, вот они – белые, нежные, похожие на стайки невест.

«Карандаши в стакане разного размера, непорядок. – Два, те, что меньше остальных, летят в ведро под столом, из ящика вынимается пачка новых и точилка. – Вот теперь все правильно».

Неплохо бы перед приходом клиента просмотреть записи по прошлой беседе, освежить в памяти причину обращения и ход терапии. В открытом ежедневнике – фамилия. «Уварова, Уварова… кто же это? Никаких ассоциаций… когда же она была в прошлый раз, неведомая Уварова?» Отлистать назад, неделя, две…

– Маша, зайдите ко мне.

Секретарь возникла на пороге почти мгновенно:

– Слушаю.

– Кто такая Уварова?

– Ну как же… это ведь дочь той самой Уваровой… ну владелицы турфирмы, помните?

– Не помню.

Маша смотрела удивленно:

– Ничего не случилось? С вами все в порядке?

«Кажется, нет. Но не признаваться же в этом секретарю».

– Да. Просто напомните мне, по поводу чего ко мне сейчас придет эта Уварова.

– К ней муж является. Покойный, – уточнила Маша после паузы.

– Ну действительно… муж ведь, покойный… такое не забудешь… все, Маша, спасибо, можете идти.

За секретарем почти бесшумно закрылась дверь. «Сейчас бы лечь на диван и задремать минут на тридцать-сорок». Чтобы не поддаться соблазну, пришлось открыть ноутбук и найти файл с данными на Уварову Валентину Павловну, тридцати двух лет. «Да, так и есть – ночные кошмары, сопровождающиеся видениями и голосами. Что у нас в терапии… ага, все верно… странно, что на таких дозах она по-прежнему видит и слышит то, чего не должна».

В кабинет постучали, и тут же, не дожидаясь ответа, на пороге появилась ярко накрашенная блондинка в голубом брючном костюме и серебристых туфлях на высокой шпильке:

– Доброе утро, доктор! – Она привычным движением скользнула к кушетке и опустилась на нее, сбросив туфли. – Еле дождалась понедельника, ей-богу! Посмотрите, как трясусь! – Она вытянула перед собой руки и растопырила пальцы с ярко-красным лаком на ногтях. – Видите? Он снова приходил, снова! Почему, спрашивает, ты мне ремень в брюки не вставила, я теперь ходить быстро не могу, они сваливаются! А куда ему там ходить, скажите, доктор?!

– Видимо, загробная жизнь вашего супруга столь же активна, как и мирская. – Шутка, конечно, третьесортная, но надо ведь как-то остановить этот словесный поток. – И потом, Валентина Павловна, мы же, кажется, договаривались, что вы перестанете запивать выписанные вам препараты спиртными напитками.

Блондинка резко села, округлив глаза:

– Да вы что?! Какими напитками?! Я же… да как можно…

– Ну-ну, Валентина Павловна, кого вы хотите обмануть? Ведь запах же…

– Запах?! Да это духи!

«Как же – духи! Шанель, Диор и Хьюго Босс в одном флаконе… Коньяк это, причем не особенно дорогой, видимо, такой лучше забирает».

– Если вы не прекратите это, у нас с вами два пути развития отношений. Первый – я отменяю все препараты, а второй – вы ищете себе другого специалиста. Я очень не люблю, когда мои назначения и предписания не выполняются, а уж тем более – злостно нарушаются. На сегодня наш сеанс окончен, я не вижу смысла разговаривать, когда вы не совсем трезвы. Визит можете не оплачивать, но если решите прийти снова, запомните – никакого алкоголя. Либо ищите другого врача.

Уварова от неожиданности приоткрыла рот, вцепилась пальцами в обивку кушетки:

– Доктор… да как же… мне казалось, мы с вами начали добиваться результатов… он ведь уже реже приходит, ну доктор… как же я буду? Где найду другого специалиста?

– Тогда, Валентина Павловна, вам придется выполнять все, что я рекомендую. До свидания.

Клиентка посидела еще пару секунд, сунула ноги в туфли и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Значит, наверняка запишется на следующий прием, иначе хлопнула бы так, что штукатурка бы посыпалась – в самом начале лечения именно так и делала, когда ей что-то не нравилось.

«Почему мне всякий раз хочется помыть руки после клиента? Я ведь не терапевт, пальпацию не провожу». На такой случай в столе всегда лежала большая пачка влажных салфеток. К вечеру корзина под столом была наполнена использованными кусочками пропитанной спиртовым раствором ткани почти доверху.

Мэр

– Анита Геннадьевна, вы не забыли о пресс-конференции? Журналисты соберутся ровно в одиннадцать. – Голос референта по интеркому вывел ее из состояния молчаливого созерцания. Небольшой фонтанчик, установленный в самом углу кабинета, позволял настроиться на работу и убирал негативные мысли, мерное тихое журчание воды помогало думать.

– Я помню, Юля, спасибо.

– Тогда я занесу вам справку, которую прокурор прислал?

– Минут через десять, когда чай будешь делать.

– Поняла.

Интерком умолк, и Анита с облегчением выдохнула. Черт бы побрал эту пресс-конференцию, но и проигнорировать запрос было нельзя. Два убийства, о которых довольно подробно рассказывали оба местных телевизионных канала и писали все газеты и интернет-порталы, вызвали нездоровый ажиотаж, нужно как-то реагировать, раз уж она тут мэр.

Насколько ей было известно, к этому моменту местная полиция не продвинулась в расследовании ни на шаг, не было подозреваемых – словом, ничего. Два трупа с похожим способом убийства – тут наверняка нужен тот, кто разбирается в таких делах или уже расследовал подобное и успешно довел до конца. И она нашла такого специалиста, воспользовавшись своими связями. То, что следователем оказалась довольно молодая женщина, Аниту не смутило

– она всегда считала, что в подобных делах именно женская интуиция и внимание к мелким деталям могут сыграть важную роль. Она добилась, чтобы следователя Каргополову прислали в Осинск, и надеялась, что в скором времени все прояснится, а убийцу, кем бы он ни был, поймают и посадят за решетку.

Снова зажужжал интерком:

– Анита Геннадьевна, к вам Дина Александровна.

«О, только не это! – мысленно простонала Анита, хватаясь за виски пальцами. – Только не сейчас! За что, господи?»

Дверь кабинета открылась, и в проеме показалась невысокая молодая женщина с черными волосами, гладко убранными в пучок на затылке. На брюнетке был безукоризненно сидящий на тонкой фигурке брючный костюм лимонного оттенка, дополненный легким бирюзовым шарфиком.

– У тебя что-то срочное? – спросила Анита, по-прежнему не отрывая пальцев от висков.

– А у вас, матушка, как всегда, мигрень при моем появлении? – насмешливо спросила вошедшая, выдвигая стул и бросая на него мягкую желтую сумку.

– У меня пресс-конференция, – процедила Анита, сдерживая рвущееся раздражение. – Если ты пришла по делу, говори, а если нет…

– …то убирайся вон, угадала? – рассмеялась женщина, не трогаясь с места. – Не волнуйтесь, сейчас уйду, я действительно по делу. Вы мои ключи не видели?

– Какие ключи?

– Ну от дома, какие еще? Хватилась утром – не могу связку найти. Вы не прихватили по ошибке?

– Я не ношу с собой ключей, ты ведь знаешь.

– Неужели потеряла? – Лицо молодой женщины выразило озабоченность.

– Кику, не морочь мне голову. Возьми запасные у Галины Васильевны, сделай дубликаты – что угодно, только сейчас не изводи меня подобной ерундой! Ты ведь знаешь, что в городе неприятности, мне сейчас придется отвечать на вопросы журналистов, а я должна отвлекаться на ерунду с потерянными ключами! Ты ведь не ребенок, реши хоть что-то сама! – чуть повысив голос, произнесла Анита.

Женщина смерила ее насмешливым взглядом:

– Можно? Вы разрешаете мне решить что-то самой? Какая щедрость с вашей стороны, матушка.

– Кику! Я прошу тебя – уходи!

– А то что? – змеиным броском подавшись в сторону Аниты, так, что та невольно отпрянула, прошипела женщина. – Что вы сделаете, матушка? Позовете охрану? Не-ет! Не позовете, вам духу не хватит, потому что вы знаете… знаете…

Анита почувствовала, что вот-вот потеряет сознание, вцепилась в столешницу и постаралась взять себя в руки:

– Уходи, Кику, я… прошу тебя…

– Едва не подавились просьбой, матушка? – насмешливо спросила та, вставая, наконец, из-за стола и подхватывая свою омерзительно-желтую сумку. – Ну, раз уж вы *просите*… я, разумеется, уйду, тем более – у меня встреча.

Женщина покинула кабинет легкой походкой, высоко вздернув голову, а у Аниты затряслись руки. Она встала, заходила по кабинету, разминая ставшие ледяными пальцы, пытаясь согреть их и унять дрожь. «Даже таблетку выпить не могу – в сон начнет клонить, а у меня эта чертова пресс-конференция… Вот же дрянь, как она ухитряется выбирать такое время, чтобы выбить меня из колеи? Будто в ежедневник мой заглядывает – обязательно перед важным мероприятием что-то выкидывает. Надо положить этому конец. Надо, надо, невозможно ведь уже…»

Успокоившись немного, Анита вернулась за стол, выдвинула самый нижний ящик стола и достала оттуда небольшую рамку с фотографией, поставила перед собой и, положив голову на скрещенные руки, устремила взгляд на снимок импозантного мужчины в черном костюме и галстуке. «Не смотри на меня так, дорогой. Я просто не могу больше терпеть все это».

Следователь

В Осинск предстояло ехать поездом, который отходил почти в полночь. Полина настояла на том, чтобы Лев не провожал ее, а доверил это водителю, которого прислал прокурор. Муж недовольно заворчал:

– А поцелует тебя у вагона тоже водитель?

– Ну без этого, пожалуй, обойдусь. – Полина держала на руках уже задремавшего Ванечку и наблюдала за тем, как Лев записывает в ее ежедневник телефон своего одногруппника. – Но согласись – тащить с собой детей ночью на вокзал вообще нет смысла, а оставлять дома одних – еще хуже.

– Инке тринадцать, она вполне справится.

– Лева… ну мы ведь договорились.

– Все-все, договорились, не шуми, Ваньку разбудишь. И вот тогда точно придется ехать всем вместе.

Полина осторожно заглянула в личико сына, убедилась, что тот крепко уснул, и на цыпочках направилась в комнату, уложила мальчика в кроватку и, включив небольшой ночник, вышла, прикрыв за собой дверь. Из-под двери соседней комнаты пробивалась тонкая полоска света – дочь читала что-то, устроившись в постели. Видимо, услышав шаги матери, девочка выбралась из кровати и открыла дверь:

– Ты уже поехала?

– Нет, машина будет только через час.

– А ты надолго?

– Не знаю, Инна. Как пойдет…

Девочка вздохнула, теребя бантик на пижаме:

– Понятно… сложное дело?

– Пока не знаю, на месте разберусь.

– Но если вызвали тебя, значит, сложное… и это надолго.

Полина притянула дочь к себе, обняла, прижалась щекой к макушке:

– Я буду очень стараться как можно скорее все раскрыть. Я ведь тоже скучаю без вас и уже давно никуда не уезжала. А Ваню вообще впервые оставлю… ты уж тут постарайся папе помочь по мере возможностей, ладно? Тетя Вита, конечно, будет приезжать, но ты ведь понимаешь…

– Ты, мам, не волнуйся, – серьезно сказала дочь, – мы справимся.

Полина погладила девочку по волосам, закрывавшим спину почти до талии, и вздохнула. Превратившаяся в ершистого подростка Инна временами удивляла ее вот такими совсем взрослыми заявлениями, давая понять, что и на нее тоже можно положиться, а не только на сестру и мужа.

– Я знаю, доченька. Ты у меня совсем взрослая стала.

– Мам, ты только постарайся там побыстрее, ладно?

– Конечно. Но папа сказал, что вы сможете приехать ко мне на выходные – у него в Осинске живет одногруппник, папа давно с ним встретиться хотел. Ну и вас с Ваней возьмет, мы там погуляем, вместе побудем.

– О, круто! – обрадовалась дочь. – А мы поездом или на машине?

– Это как папа решит. Все, Инка, мне собираться нужно, я еще не все вещи уложила.

Девочка послушно вернулась в постель и снова взяла в руки книгу. Полина бросила беглый взгляд на обложку, рассчитывая увидеть что-то из современных подростковых романов, но это оказался том из собрания сочинений Чехова.

– Чехов? – удивленно переспросила она, и дочь кивнула:

– Да. Театральная студия спектакль готовит, а я хочу на него отзыв написать для конкурса молодых журналистов. Вот материал изучаю…

Полине стало стыдно. Она совсем забыла, что Инна вот уже второй год занимается в школе юных журналистов, организованной местной газетой, мечтает писать о театре, а теперь, значит, еще и в конкурсе собирается участвовать. А Полина, как настоящая мать-кукушка, в пылу своих рабочих забот даже не интересуется тем, как и о чем пишет дочь.

– Почитать наброски дашь?

Инна удивленно вскинула голову:

– Почитать? Ну дам, конечно… только…

– Ну электронную почту никто не отменял, верно?

– Тогда я тебе утром скину, хорошо? – просияла дочь, и Полина снова устыдилась собственного невнимания к ее интересам.

– Обязательно. Но имей в виду – я свое мнение выскажу честно, хоть ты и моя дочь, – предупредила она, и Инна согласно закивала:

– Конечно!

– Все, детка, я пошла. – Полина закрыла дверь комнаты и побрела в спальню, где ее ждал наполовину собранный чемодан.

Психотерапевт

Обеденный перерыв наступал ровно в тот момент, когда организм подавал первые признаки голода. При соблюдении режима дня это случается примерно в одно и то же время, потому расписание составлялось таким образом, чтобы в этом промежутке пациентов не было. Напротив Центра располагался хороший ресторан испанской кухни, где можно было не просто перекусить чем придется, а вдумчиво выбрать в меню именно то, что хотелось бы съесть в данный момент. Сегодня это оказалась паэлья – ее подали в чугунной сковородке, как это делалось в Барселоне, например. Вкус, правда, напоминал барселонскую паэлью весьма отдаленно, но кто же будет требовать полной аутентичности от блюда, приготовленного из размороженных морепродуктов… Однако еда была не настолько плохой, чтобы испортить настроение. «Сейчас бы бокал вина не помешал. Если бы на работу не возвращаться… Нет, нельзя. Лучше дома, вечером. Правда, к тому времени я уже вряд ли буду хотеть вина».

В ресторан влетела молодая женщина в лимонном брючном костюме. Бирюзовый шарфик на шее развевался, как флаг на ветру. Она сразу же направилась к столику и, плюхнувшись на стул, заговорила:

– Слушай… такое дело – ключи не могу найти. Вот уверена, что это матушка их припрятала, спит и видит, чтобы я из дома убралась!

– Не кричи, что ты возбужденная такая, господи? Люди ведь кругом, ну…

– Люди? Ой, подумаешь! Знали бы они, за кого на выборах голосовать собираются! Что мне делать-то?

– Домработница откроет, не проблема…

– Ну, сегодня откроет, завтра… а послезавтра я ночью вернусь – и что? Стучать-звонить, пока полиция не приедет? С матушки станется, ты ведь знаешь…

– Кику, ну почему ты из любой мелочи раздуваешь трагедию? Ну невозможно же…

– Это для тебя мелочь, у тебя квартира своя, никто тебя оттуда не выгонит. А я того и гляди на улице останусь.

– Так уйди сама. Есть же деньги, отец оставил. Купи квартиру в городе и живи спокойно. Но ты словно нарочно нарываешься. Тебе так нравится жить с ней бок о бок?

– Да ты не представляешь даже, какое это удовольствие – видеть на ее лице страх, – понизив голос и нагнувшись к столу, произнесла Кику. – Я сегодня в мэрию зашла, так думала – матушка прямо в кабинете своем на пол уляжется в обмороке. Нет, я ни за что из дома не съеду, не дождется. Уехать – и облегчить ей жизнь? Да с чего?! Нет уж, за свои грехи каждый рассчитывается, так этот мир устроен. И даже госпожа мэр не исключение!

– Ты можешь не кричать, а? Ну голова же болит, а мне еще полдня прием вести…

– Ладно-ладно, я так забежала, пожаловаться. Все, пойду, надо еще на почту успеть, мне такую хризантему новую прислали – закачаешься! – Кику встала и, одернув пиджак, произнесла громко: – Вот, кстати, еще одна причина, по которой я никак не смогу жить в городской квартире. Все, я побежала, – и, изобразив воздушный поцелуй, она стремительно вышла из зала.

«Ну вот почему сегодня? За что мне все это, а? После обеда у меня сложная клиентка, а тут Кику со своей ненужной экспрессией… что за человек, ничего не может спокойно решить, без эмоций».

До начала следующего приема оставалось еще минут пятнадцать, значит, можно немного пройтись по бульвару и восстановить настроение и равновесие хотя бы отчасти. Нет ничего хуже, чем вот такие спонтанные встречи и истеричные женщины, склонные к экзальтации.

Бульвары в Осинске были чем-то вроде местной достопримечательности. Они тянулись от небольшого озера, чудом оставшегося в самом центре города, вниз, к улице Цементной, где располагались основные административные здания и несколько офисных центров. За деревьями, кустарниками и цветочными клумбами ухаживала специальная бригада озеленителей, прикрепленная исключительно к бульварам, ее так и называли «бульварной» – слегка двусмысленно, но зато верно. Газоны и клумбы содержались в идеальном порядке, растения на них были высажены таким образом, чтобы смена сезонов отражалась и здесь. До первого снега на бульварах что-то цвело, и это придавало месту какой-то особенный шарм. Скамьи вдоль дорожек почти никогда не пустовали – то мамаши с колясками, то старички с газетами или шахматными досками, то компании подростков с колонками и танцами прямо на брусчатке. Даже сегодня, в будний день, мест на скамьях практически не было. «Да и времени на посиделки у меня нет, к сожалению. А вот не помешало бы…»

Чувство усталости в последнее время не покидало, хотелось в отпуск и к морю, лежать на пляже и ни о чем вообще не думать. Но отпуск в этом году получится взять только в декабре, а что делать на море зимой? Лететь же за границу не особенно хотелось, так что придется ограничиться профилакторием под Осинском, ничего не поделаешь. Правда, и там можно неплохо отдохнуть – массажи, бассейн, прогулки по лесу… да просто сон, в конце концов. Да, пожалуй, такой вариант тоже вполне подойдет. Главное, чтобы Кику не узнала об этом, а то обязательно увяжется следом, и тогда точно – прощай, отдых. Нет, надо молчать…

Мэр

Всю ночь Анита ворочалась в постели. Ей казалось, что внизу, в подвале, где располагались бассейн и тренажерный зал, кто-то ходит. Вполне возможно, это была Кику, она любила плавать ночью, но звуки мешали уснуть. На утро была назначена встреча со следователем, и это тоже не добавляло спокойствия. В их городе давно не происходило ничего подобного, а уж о серийных убийствах вообще никто не слышал, и теперь Анита понимала, что не может позволить себе накануне выборов такую рекламу. Значит, нужно сделать все, чтобы дело раскрыли тихо, без шумихи и огласки, чтобы никаких сводок в новостях и – не дай бог – никаких статей в прессе уровнем повыше местной. Как раз для этого ей нужна та Каргополова из Хмелевска,

потому Анита и постаралась поднять все свои связи, чтобы именно ее, неместную, прислали сюда для расследования.

«Я постараюсь держать руку на пульсе, сделаю все, чтобы следователь сперва докладывала о результатах мне, и… ах, как же это все не вовремя! Хотя бывает ли такое – вовремя?»

Анита выбралась из постели и подошла к окну, отодвинула плотную штору. Двор освещался фонарями, и в их свете поблескивали стекла большой оранжереи – еще одна идиотская причуда Кику. «Саша-Саша, ты слишком много позволял своей дочери, вот она и выросла в совершенно неуправляемую особу с неприятными привычками и взбалмошным характером. Как бы хорошо было, если бы она захотела жить отдельно от меня… я была бы счастлива, даже денег дала бы ей на любую квартиру – только бы не встречаться с ней вообще. Но она, как назло, пустила корни здесь – в буквальном смысле этого слова. Куда она от своей оранжереи? Вот же выбрала увлечение – как нарочно. Такое ощущение, что она существует ради того, чтобы не дать нормально жить мне. Словно я виновата в чем-то».

Очень захотелось закурить, но Анита подавила в себе это желание и взяла из вазы карамельку, но в последний момент, когда уже почти развернула фантик, решила не делать и этого. Сначала карамелька, потом захочется чаю, а утром лицо будет отекшим, и это ничем не замаскируешь. «Любые страсти можно обуздать, тем более такие мелкие, как желание закурить или съесть конфету среди ночи, – подумала она и тут услышала, как внизу что-то грохнуло и разбилось. – Черт побери эту девчонку! – с раздражением беря со спинки кровати халат, подумала Анита. – Ну ведь не подросток уже, взрослая женщина, пора остепениться и не бунтовать, как в четырнадцать, но нет! Как же повезло ее матери, что она не дожила до этого… Был бы жив Саша, и Кику вела бы себя потише, все-таки его она уважала и не позволяла себе таких выходок. А кто я? Мачеха? Ну тоже фигура – можно вообще внимания не обращать. Кстати, лучше бы так оно и было», – спускаясь по лестнице в подвальный этаж, рассуждала она.

Однако внизу было пусто, в бассейне не горела подсветка, в тренажерном зале – тоже, и Аните стало жутковато. «Что же тогда здесь разбилось? – растерянно оглядывая коридор, освещенный тусклыми светодиодными шнурами вдоль стен, думала она. – Ведь я же отчетливо слышала, как что-то упало». Рукой она нашарила выключатель в тренажерном зале, зажгла свет, внимательно осмотрела все и убедилась, что ничего не разбито, а весь инвентарь лежит на своих местах. Точно так же Анита решила осмотреть и бассейн, и вот там, на дне, увидела осколки своей любимой вазы – напольной, из красно-черной керамики. Ее она привезла из поездки в Венецию, очень тогда разозлила этой покупкой мужа, Саша никак не соглашался тащить эту негабаритную вещь, возиться с таможней, но Анита настолько влюбилась в вазу, что не обращала внимания. И вот теперь черепки ее разбитого сокровища лежат на дне бассейна. «Кику, больше некому, – вздохнула Анита, выключая свет и поднимаясь по лестнице в свою половину дома. – Вот дрянь…»

За завтраком Кику как ни в чем не бывало намазывала на тост джем и не прятала взгляда от мачехи, даже спросила, в чем дело.

– А ты не знаешь? – стараясь не раздражаться, отозвалась Анита и натолкнулась на открытый, честный и непонимающий взгляд падчерицы:

– Нет. А что?

– И ты ничего не слышала ночью?

– Я выпила таблетку снотворного и уснула около двенадцати. Да что случилось?

– То есть ты не знаешь, каким образом моя любимая ваза оказалась на дне бассейна? – внимательно наблюдая за реакцией Кику, спросила Анита.

Падчерица уставилась на нее в упор, раздула ноздри маленького носика, прищурила глаза:

– Матушка, вы меня снова в чем-то обвиняете? Я же сказала – таблетку выпила. Уснула, в вашу половину дома не заходила после ужина. Какая ваза?

– Кику… я не хочу ссориться с утра…

– Так не стоило начинать эту тему! – отрезала та. – Я вашу вазу в бассейн не бросала, что еще за детский сад?

«Ну да – ты бы с удовольствием ее об мою голову разбила, – зло подумала Анита и тут же устыдилась подобной мысли – Кику при всех ее странностях все-таки не была агрессивной. – Господи, когда это закончится?»

По дороге в мэрию она вдруг спросила у водителя, живущего всю неделю в небольшой комнате, мимо которой нельзя незамеченным проникнуть в подвальный этаж:

– Скажите, Сережа, ночью… никаких звуков не слышали?

– Как вы вставали и вниз ходили, слышал, – отозвался водитель. – Еще подумал – чего это Анита Геннадьевна среди ночи в бассейн пошла?

– И… все?

– Да. А что еще?

«Похоже, у меня паранойя. Я стала слышать то, чего не слышат другие. Но ведь ваза абсолютно точно лежала на дне бассейна, а я забыла сказать домработнице, чтобы спустила воду и убрала осколки. Как же я так… Ладно, не до вазы мне сейчас, надо настроиться на встречу со следователем. Есть дела поважнее черепков на дне бассейна. У меня в городе трупы находят, а я о какой-то ерунде».

Следователь

Женщина-мэр была миниатюрной, как принято говорить – статуэточной, и напоминала выставленную в витрине одного из ресторанов фарфоровую гейшу – не хватало разве что кимоно. Она поправила тяжелый узел черных волос, мягко улыбнулась:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Полина села, вынула из сумки ежедневник и ручку:

– Анита Геннадьевна, меня зовут Полина Дмитриевна Каргополова, я старший следователь по особо важным делам.

– Я это знаю. Вас в наш город привели эти ужасные убийства.

– Да, я приехала расследовать…

– Я знаю, – перебила мэр все тем же мягким голосом. – Извините, что вам пришлось вместо отдыха сразу ехать сюда, но я привыкла контролировать все, что происходит в городе, не полагаясь ни на кого. У нас никогда ничего подобного не случалось, и, конечно, люди шокированы и испуганы. Я больше всех заинтересована, чтобы в городе снова воцарился порядок, а потому хочу контролировать ход расследования лично, если вы не против.

– Абсолютно не против. Но, в свою очередь, могу ли я рассчитывать на вашу помощь, если она потребуется?

– Разумеется. Я дам вам свой мобильный, можете обращаться, когда возникнет необходимость. А ежедневник вы достали… уже есть вопросы? – легко кивнув в сторону Полининого синего блокнота, спросила мэр.

– Простите, это привычка. Как только сажусь за стол, так машинально выкладываю. Вопросов пока нет, с материалами ознакомлюсь, на места съезжу – тогда буду думать.

– Я распоряжусь, чтобы вам выделили машину с водителем.

– Это лишнее…

– Поверьте, Полина Дмитриевна, вы не представляете, куда вам придется ездить. Это за городом, туда не ходит общественный транспорт, а таксисты в сложившейся ситуации, сами понимаете, не слишком настроены на подобные поездки. Так что от машины не отказывайтесь.

Полина пожала плечами, решив, что возражать дальше не стоит.

– Анита Геннадьевна, а почему вы считаете, что убийства совершены приезжим?

– Видели мое интервью? – чуть улыбнулась мэр. – Да, я считаю, что подобное могло прийти в голову только извращенному маньяку.

– И в вашем городе таких быть не может?

– Конечно, нет. И потом… вы заметили, что все убитые не являлись жителями нашего города?

– Заметила.

– Мне кажется, что это спланированная акция. Через полгода заканчивается срок моих полномочий, и кому-то очень выгодно скомпрометировать меня в короткий срок, чтобы не было возможности реабилитироваться. И подобный хаос – прекрасный способ. Следствие по таким делам может длиться годами.

– И потому вы нажали какие-то кнопочки в министерстве, чтобы расследовать дело прислали меня?

– Разумеется, – улыбнулась Анита Геннадьевна, едва заметным легким жестом поправляя узел волос. – Говорят, что в области лучше вас никто такое дело не раскрутит.

«Специалист по маньякам! – хмыкнула Полина про себя. – Не собиралась я получать такую узкую специализацию».

– Я постараюсь оправдать ваше доверие, – сказала она вслух. – И, если у вас больше нет ко мне вопросов…

– Да-да, конечно! – Мэр встала, поправила лацканы пиджака. – Сейчас распоряжусь, вас отвезут в гостиницу.

– Я бы прогулялась, если вы не возражаете. Хочу посмотреть ваш город.

– Ну как хотите. Вот моя визитка, на обратной стороне мобильный, звоните, если что-то будет нужно.

Полина вышла из мэрии со странным чувством. Непоколебимая уверенность мэра в том, что убийства совершены с целью дискредитировать ее работу, казалась ей странной. Это каким надо обладать извращенным сознанием, чтобы ради такой цели лишать жизни людей? Но, с другой стороны, убийства происходят и по более приземленным мотивам, а пытаться понять логику маньяка – дело вообще бесперспективное. «Нет, я не желаю думать, что тут действует психически неуравновешенный человек. Не хочу – пока проще ограничиться версией мэра. А сейчас надо не на прогулку, а в прокуратуру, поговорить со следователем, ведущим это дело сейчас, и попросить вызвать оперативников и экспертов», – решила Полина, шагая к ожидавшей ее машине.

– Куда вас, Полина Дмитриевна? – спросил водитель, вышедший открыть ей дверь машины.

– В прокуратуру, – попросила она, а про себя отметила, что водитель назвал ее по имени-отчеству. – Простите, как вас зовут?

– Вадим.

– А по отчеству?

– Да ну что вы, просто Вадим, – чуть смутился водитель. – Я второй шофер мэра, буду в вашем распоряжении, когда понадоблюсь, Анита Геннадьевна распорядилась. Вы телефончик мой запишите, и если нужно – не стесняйтесь, в любое время звоните, я мигом…

– Спасибо. Скажите, Вадим, а в городе что-то говорят об этих убийствах? – спросила Полина, глядя в окно.

– Конечно! Еще бы не говорить… оба мужика явно не местные, одеты хорошо, а вот что делали в таких странных местах – непонятно. Люди разное болтают…

– Что, например?

– Ну… что маньяк завелся.

– Думаю, это преувеличение. Что общего у убитых? Только то, что оба не из Осинска?

– Этого я не знаю. Но люди болтают…

– Да… люди болтают… – задумчиво повторила Полина.

Пока ехали до прокуратуры, она успела немного рассмотреть город, и он ей понравился. Уютный, довольно старый, в центре много двухэтажных домов сталинской постройки, отремонтированных и оснащенных новыми окнами, конечно, но архитектурный стиль все же сохранился и хорошо прослеживался. Много магазинов – не огромных торговых центров, а небольших, занимающих первые этажи. Полине очень приглянулся бульвар на центральной улице – там, видимо, приятно гулять в жару, а зимой наверняка много подсветки. В целом Осинск произвел на Каргополову приятное впечатление и даже напомнил чем-то ее родной Хмелевск. «Хорошо бы Лева приехал с детьми на выходные, было бы где погулять».

Но пока до полноценных выходных было далеко, а за тяжелыми дверями здания прокуратуры ее ждало новое дело. И, между прочим, следователь, у которого это дело забрали, чтобы передать Каргополовой, и теперь непонятно, как ее здесь встретят – с агрессией, как захватчицу, или с облегчением, как спасительницу.

Следователем оказалась совсем молодая девушка, представившаяся Светланой Ивановной Ползухиной.

– Вы присаживайтесь вот сюда, здесь будет удобнее, – она указала за второй стол у окна, – а то ко мне сейчас свидетель придет по другому делу. А кабинетов у нас на всех не хватает, мой сосед выехал в район, так что… Вот материалы, смотрите, – она плюхнула на стол папку.

– Светлана Ивановна, а как бы нам пообщаться по делу? Бумаги-то я посмотрю, но ваши впечатления куда актуальнее, – сказала Полина, выдвигая стул.

– Даже не знаю, – наморщила лоб Светлана, – может, после работы? Мне еще кое-куда доехать нужно… у меня семь дел в производстве, ничего не успеваю… Вы в какой гостинице остановились, в «Осинских огнях», наверное?

– Да.

– Тогда… может, я вечером, попозже, подскочу туда, и мы в баре посидим? Ну совершенно нет времени, честное слово…

– Хорошо. Тогда я почитаю пока, а потом, с вашего позволения, мне бы оперативников, работающих по делу, опросить. И хорошо бы эксперта.

Ползухина постаралась скрыть недовольство, но Полина успела заметить, как ее лицо слегка скривилось:

– Давайте я вам телефоны напишу, а вы сами уж позвоните и вызовите, хорошо? А то у меня свидетель сейчас… – она быстро написала несколько номеров, положила листок на стол перед Полиной и вернулась на свое место, нацепила на нос очки в круглой черной оправе и громко сказала:

– Сенченко, заходите, пожалуйста.

Полина не стала вникать в разговор следователя со свидетелем, невысоким щуплым пареньком лет двадцати, а погрузилась в изучение материалов по делу о двух убийствах.

Примерно к середине папки Полине стало понятно, что места происшествия были обследованы формально, не хватало деталей, да и осмотр обоих трупов оставлял много вопросов. «Придется звонить сначала эксперту». Она взяла листок и мобильный и, стараясь не шуметь, вышла в просторный холл первого этажа, где у рамки металлоискателя при входе скучал дежурный полицейский.

«Архипов Антон Аркадьевич, судмедэксперт» – было написано острым неровным почерком на листке, и Полина набрала этот номер первым.

– Добрый день, Антон Аркадьевич, – произнесла она, услышав в трубке глухое «Алло», – меня зовут Полина Дмитриевна Каргополова, я старший следователь по особо важным делам, здесь в командировке по делу об убийстве Колыванова и Урванцева.

– А-а, вы – та самая дама, что поймала «хмелевского хирурга»? – сразу оживился Архипов. – Очень рад буду познакомиться.

– Почему – хирурга? – удивилась Полина.

– Ну это мы его тут между собой так назвали. Орудие убийства – скальпель, ну вот и…

– Оригинально. Антон Аркадьевич, мы могли бы с вами увидеться? У меня есть ряд вопросов, и, поскольку дело передали мне, то я бы хотела… – но эксперт перебил:

– Конечно! У меня есть что вам рассказать и показать. Вы сейчас можете в морг подойти?

– Подойти? Я не знаю город.

– А тут и знать нечего. Вы ведь в прокуратуре? Тогда выходите, на углу направо и дальше прямо, никуда не сворачивая. Упретесь в старое трехэтажное здание белого цвета – оно тут одно. Это и есть наше бюро, а морг у нас в подвале.

– Хорошо, я сейчас приду.

– Я вас на крылечке встречу.

Полина вернулась в кабинет и взяла свою сумку и папку, в которую аккуратно упаковала дело, жестом показав следователю Ползухиной, что берет его с собой.

– Вы уходите? – спросила та, оторвавшись на минуту от допроса свидетеля.

– Да, договорилась с экспертом.

– Вы с ним аккуратнее, он у нас того… со странностями, – и Ползухина как-то совсем уж по-детски покрутила пальцем у виска. – Вы еще вернетесь?

– Конечно, мне ведь дело нужно сдать.

– Можете взять с собой, у нас все следователи так делают. Главное – в канцелярии скажите, они пометку сделают, что оно у вас.

– А где…

– Канцелярия? По коридору налево до конца, там металлическая дверь, не промахнетесь. До завтра, – и она снова повернулась к сидящему на самом краешке стула свидетелю.

Полина вышла в коридор, нашла канцелярию и, показав там удостоверение, написала расписку, что берет дело с собой. Сидящая за столом кудрявая блондинка улыбнулась:

– Так вы и есть Каргополова из Хмелевска? Мы тут о вас много слышали.

Полина пожала плечами:

– Не было счастья… Скажите, а у вас при таком порядке никогда дела не пропадали?

– Да вы что! – возмутилась блондинка. – У меня строго. Вот попробуйте завтра утром мне дело не показать.

– Понятно. То есть утром я сперва к вам должна зайти?

– Если дело берете – да. А если нет, то сразу можете в рабочий кабинет проходить. Вас же к Светке Ползухиной определили?

– Да.

Блондинка покачала головой, но больше ничего по этому поводу не сказала, хотя во взгляде ее сквозило явное неодобрение.

– Вы с операми лучше поговорите, на этом деле толковые ребята работают – начальник убойного Слава Кучеров и лейтенант Речковский, он хоть и молодой, но очень умный, – посоветовала она, и Полина кивнула:

– Спасибо, я учту.

Оказавшись на улице, Каргополова закурила, постояла пару минут у крыльца прокуратуры и, повернув направо, отправилась на поиски бюро судебно-медицинской экспертизы.

Психотерапевт

«Интересно, почему мне никогда не приходило в голову завести хотя бы кота? Ждал бы меня по вечерам, терся об ноги, мурлыкал… Нет. Кот – это шерсть, порванная когтями диванная обивка, запах. Дискомфорт, короче. И потом – меня постоянно нет, а животному, как ни крути, нужно внимание и общение, а мне после рабочего дня хочется только тишины и одиночества. Какой уж тут кот, зачем?»

В последнее время мысли об одиночестве посещали все чаще, и их все труднее было отогнать. Всегда легко решить подобную проблему пациента, поговорить, объяснить, как-то направить, предложить варианты выхода из ситуации, а вот помочь себе значительно сложнее. Да что там – практически невозможно. За долгие годы одинокого существования выработались какие-то привычки, ритуалы – и представить, что все это придется менять в угоду какому-то другому человеку или просто живому существу вроде кота, было абсолютно невозможно и даже страшно.

«Надо бы в супермаркет заехать, купить кое-что, холодильник-то пустой, даже на завтрак ничего, кажется…»

Набор продуктов в корзине практически всегда был одинаков – потому что так правильно, незачем нарушать привычный режим питания, устоявшийся годами и позволяющий хорошо себя чувствовать и не испытывать проблем со здоровьем. Порой, конечно, хотелось себя побаловать и купить что-то вредное, но вкусное, но такие порывы возникали редко и легко гасились усилием воли. Во всем должна быть целесообразность, а какова она, например, в пакете чипсов? Через час случится изжога, удовольствия на десять минут, а дискомфорта на всю ночь, так зачем?

Никаких полуфабрикатов – ну это было непреложным правилом с самого детства, мама, как бы ни была занята на работе, всегда готовила домашнюю еду. В холодильнике всегда были пельмени ручной лепки, вареники – все свое, домашнее, приготовленное из понятных продуктов. Эта привычка тратить один выходной на подобного рода домашнее производство въелась настолько, что даже сейчас не изжила себя. «Стратегический запас» – так это называлось и служило хорошей помощью в те дни, когда прием заканчивался поздно.

Через час в квартире пахло куриными зразами, в которые мама научила класть кусочек сливочного масла, смешанного с зеленой чесночной стрелкой, ее тоже заготавливали собственноручно – соседка привозила с дачи огромный пакет, из которого получалась пара банок соленой массы. Румяные круглые зразы выглядели так аппетитно, что даже гарнира не хотелось, но так неправильно – нужны овощи.

Ужинать лучше всего при свечах, в гостиной, включив тихую музыку без всякого текста, чтобы эти новомодные бессмысленные словосочетания не отвлекали от приема пищи. Бокал белого вина, вкусная еда, покой и умиротворение – что может быть лучше после дня, наполненного чужими маниями, фобиями и психозами?

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда посуда отправлялась в посудомоечную машину. Разумеется, это оказалась Кику – ну а кто еще…

– Алло.

– Ну, что ты думаешь? Ключи я так и не нашла, а эта грымза Галина Васильевна категорически отказалась дать мне запасной комплект!

– Тише, пожалуйста… ну, что же ты кричишь-то, невозможно ведь…

– А как, скажи, мне не кричать?! Я осталась без возможности уйти и вернуться, когда захочу! Нет, каково! Домработница – пуп земли! Она решает, кто и когда входит и выходит!

– Так скажи об этом Аните.

– Что?! Аните?! Ты в своем уме?!

– А что?

– Да я сегодня у нее была, рассказывала же! Она меня к грымзе и отправила, сказала, что сама ключей не носит! А эта…

– Кику, что ты от меня-то хочешь? У меня ваших ключей нет.

– Да при чем тут… с тобой совсем невозможно разговаривать!

– Но ты же тем не менее звонишь мне по любому поводу, не считаясь ни со временем, ни с тем, что мне, возможно, просто неудобно разговаривать.

– Ах, так?! Ну спасибо за поддержку! – и Кику сбросила звонок.

«Истеричка. Ну почему она такая? У человека все хорошо в жизни, все есть, всегда все было. А она… Ну, в самом деле, почему она считает, что все в мире вертится вокруг нее? Или должно вертеться? Избалованная взбалмошная истеричка, весь вечер испортила…»

Мэр

Следователь Каргополова показалась Аните умной, спокойной и дотошной, такой, пожалуй, можно доверять и быть уверенной в том, что дело расследуют так, как нужно, преступления раскроют и убийц найдут. А возможно, и заказчиков. Анита была убеждена, что все обстоит именно так – кто-то пытается дискредитировать ее работу на посту мэра, имитирует разгул преступности. А кому такое может быть выгодно? Верно – конкурентам по предвыборной гонке.

Анита с раздражением открыла на компьютере сайт, на первой полосе которого красовалась ее фотография под броским заголовком «Трупы множатся, а мэрия молчит». Сайт финансировался одним из ее конкурентов, потому материал явно был заказным – сама Анита никаких комментариев и интервью по факту обнаружения трупов не давала, но в статье именно это и вменялось ей в вину – молчание и отсутствие четкой информации о ходе расследования. «А где вообще сказано, что мэр города обязан отчитываться по каждому уголовному делу перед представителями прессы? Сколько уголовных дел сейчас в производстве у следственных органов? Я что – должна знать о каждом? И потом – кто вообще решил, что эти два убийства связаны между собой? Надеюсь, следователь разберется во всем, и тогда я смогу развеять слухи и опровергнуть обвинения в мой адрес. Как будто это я их убиваю, в конце концов! И, кстати, если расследование затянется, мои конкуренты начнут меня обвинять и в этом – с них станется. Что ж за год-то такой…»

Анита свернула окно сайта и взялась за телефон, но в последний момент передумала – звонить прокурору пока не с чем, надо дождаться сообщения от Каргополовой. И вообще хорошо бы ее держать в поле зрения и поближе, чтобы иметь возможность получать информацию сразу. «Приглашу ее завтра на ужин. В домашней обстановке говорить всегда проще», – решила Анита и сделала пометку в настольном календаре: «Позвонить Каргополовой насчет ужина».

– Анита Геннадьевна, машина ждет. – В дверях кабинета возникла секретарь.

– Машина? Какая и зачем?

– Ну как же? У вас ведь выездное совещание с работниками жилтреста. По вопросу благоустройства бульваров…

– Ох ты… – Анита легонько хлопнула себя по лбу и встала. – Как же я забыла… что-то сегодня все наперекосяк.

Она схватила из шкафа плащ и, на ходу стараясь попасть в рукава, стремительно вылетела из кабинета.

Погода для выездного совещания выдалась на редкость удачная – светило солнце, золотистая листва деревьев казалась подсвеченной крошечными лампочками, а температура при-

ближалась к двадцати градусам, и Анита даже порадовалась, что догадалась оставить плащ в машине. Она неспешно шла по бульвару в окружении своего первого заместителя, представителей жилтреста и главы районной администрации. Только одно лицо было ей незнакомо – мужчина средних лет с толстой кожаной папкой в руках. Слушая вполуха рассказ главы района о том, как именно он видит будущее преобразование бульваров, Анита все пыталась определить, кто этот незнакомец и как он попал на выездное заседание мэрии.

– А вот, кстати, и представитель бизнеса у нас, – вплыл в ее сознание голос главы района, и незнакомец, выдвинувшись вперед, слегка поклонился. – У него бизнес-план, и мы в районе считаем, что предложенная им инициатива очень поможет нам развить здесь инфраструктуру.

– И что же предлагает нам представитель бизнеса?

– Позвольте, я сам расскажу, – не дожидаясь ответа главы, сказал незнакомец. – Для начала – меня зовут Николай Евгеньевич Мишин. – Он попытался поцеловать руку Аниты, но она отдернула ее:

– Николай Евгеньевич, здесь совещание, а не светский раут.

– Да-да, извините, – слегка смутился Мишин. – Так вот. У меня к районной управе следующее предложение. Бульвары передаются мне в аренду на двадцать пять лет. Я, в свою очередь, инвестирую в их реконструкцию вот эту сумму, – он развернул папку и показал Аните листок с написанной цифрой. Пересчитав количество нулей, Анита вздернула бровь:

– Серьезно?

– Конечно! – подтвердил Мишин, закрывая папку. – Это место преобразится и начнет приносить прибыль не только мне, но и району.

– А вам не кажется, что разрушать имеющийся ансамбль как-то… неэтично, что ли?

– Анита Геннадьевна, да побойтесь бога! Что здесь сохранять? Эту колхозную брусчатку? Или кривые деревья? Лавки вот эти с коваными спинками? Ну каменный век же! Мы сделаем здесь зону, привлекательную для молодежи – интернет, пространство для катания на скейтах, мягкие диваны! Вырежем эти уродливые деревья, натянем тенты от солнца, положим искусственный газон, сделаем веревочный парк… – воодушевленно рассказывал Мишин.

– Так, стоп, минуточку! – перебила Анита, направляясь к ближайшей скамье, на которой расположилась небольшая компания молодых людей, по виду – студентов расположенного неподалеку строительного колледжа. – Ребята, добрый день, – обратилась она к молодым людям, и те, увидев представительную компанию, чуть присмирели и вразнобой ответили на приветствие. – Меня зовут Анита Геннадьевна Комарец, я мэр Осинска, и у меня к вам вопрос по благоустройству. Вам нравится то, как сейчас выглядят бульвары?

– Да! – твердо ответил худощавый парень с рюкзаком за плечами. – Это наше любимое место, мы всегда тут зависаем в перерыв, да и просто так встречаемся, вечером. Нам тут нравится.

– И вы не хотели бы здесь что-то изменить? Ну если здесь появятся зоны с интернетом, скейт-парк, тенты вместо деревьев?

– Что? Что это за дичь? – удивился молодой человек, и его приятели согласно закивали головами. – Если здесь деревья вырубить – в центре вообще зеленых зон не останется. А дышать как же? По вай-фай? – Компания засмеялась удачной шутке.

– Погодите… – вмешался Мишин. – Но вы ведь не представляете, как это все будет. Я сейчас покажу вам проект. – Он вынул из папки сложенный в несколько раз лист. – Помогите, пожалуйста, – протянул один конец молодому человеку, а второй взял сам. – Вот, смотрите.

Компания встала со скамьи и обступила развернутый план. Анита, прикусив нижнюю губу, нетерпеливо постукивала носком туфли по брусчатке, а глава района, наклонившись к ней, шепнул:

– Ну, и зачем вы это, Анита Геннадьевна? Кому нужно мнение каких-то подростков?

– А для кого, по-вашему, этот план писался? Как раз для них. Это – будущие посетители, так почему нам не узнать мнение потенциальных пользователей заранее?

Глава вынул из кармана пиджака платок и вытер лоб. «Волнуется, – отметила Анита. – Скорее всего, взял денег за мое согласие, а обеспечить его не может. Теперь придется возвращать. Надо его убирать, а перед этим проверку инициировать, похоже, в управе дела идут не так, как должны».

– Но послушайте… это же варварство! – вдруг произнес тот самый молодой человек, что разговаривал с ней. – Это же вековые деревья! Вы хоть знаете, сколько им лет?! Как можно их уничтожать?!

– Но вы сами посудите, молодой человек – они просто не вписываются в ансамбль. Мы ведь планируем что-то современное, модное – и вдруг эти уродливые почерневшие стволы! – защищался Мишин.

– Ерунда это, а не ансамбль. На бульварах и сейчас все отлично – убирают, моют и, заметьте, не мусорят! А вы уничтожить это хотите.

Мишин обернулся к Аните, ища поддержки, но та развела руками:

– Я здесь ни при чем, хотя и поддерживаю мнение молодых людей. Думаю, обсуждать проект дальше нет смысла – или вы хотите, чтобы мы устроили народное голосование? Есть возможность организовать это на сайте мэрии. – Она повернулась к заместителю, и тот быстро черкнул что-то в блокноте:

– Сделаем, Анита Геннадьевна, это хорошая мысль. Молодые люди, а вам как кажется?

– Да… мы бы проголосовали… клевая идея, – раздалось со всех сторон. – Нам бульвары нравятся… не хотим инноваций этих…

Анита повернулась к Мишину:

– Ну что же, народ хочет голосование – оно будет. Думаю, с этим вопросом все. Спасибо вам, ребята, за неравнодушие. Можем продолжать? – обратилась она к главе района, и тот закивал:

– Да-да, у нас еще есть пара вопросов.

Краем глаза Анита увидела, как Мишин быстрыми шагами удаляется по бульвару вниз, к парковке. «Разозлился, – отметила она. – Но ничего, переживет. И глава, кстати, тоже».

Они уже почти дошли до конца бульваров, как вдруг из-за деревьев показались несколько человек, быстро развернувших плакаты с написанными красной краской лозунгами «Долой Комарец!», «Мэр покрывает убийц», «Народ имеет право знать» и «Маньяка в тюрьму». Рядом суетилась съемочная группа, и в тот момент, когда сотрудники администрации остановились, камера быстро повернулась на них.

– Это еще что?! – заорал глава района, оборачиваясь назад. – Где начальник РУВД?! Что за митинг еще? Кто разрешил?!

Митингующих уже задерживали два дежуривших здесь наряда полиции, но Анита не могла оторвать взгляда от упавшего на землю плаката с надписью «Долой Комарец!», словно написанного кровью жертв.

Следователь

Эксперт Архипов оказался невысоким полным мужчиной лет пятидесяти, с окладистой бородой пшеничного цвета и голубыми, чуть прищуренными глазами. Он ждал Полину на крыльце, курил, зажав сигарету каким-то медицинским инструментом.

– Если не ошибаюсь, Полина Дмитриевна? – сразу заговорил он, едва Каргополова поставила ногу на нижнюю ступеньку. – Рад, очень рад! Архипов я, Антон Аркадьевич, судебно-медицинский эксперт.

– Очень приятно. Где бы мы могли поговорить, Антон Аркадьевич?

– А давайте вон там на лавочку присядем, – он указал рукой на небольшой скверик левее здания экспертизы. – А то, знаете ли, душно в помещении, да и запахи у нас… ну сами же знаете, чего я рассказываю.

– Хорошо, давайте посидим там. А материалы?

– Так чего ж… вот они, тут все, – и эксперт постучал себя пальцем по лбу. – Не сомневайтесь, я не первый день тут тружусь, круг вопросов, который обычно следователей интересует, знаю отлично.

Архипов разжал над урной инструмент, и окурок упал вниз, а импровизированный мундштук отправился в карман халата эксперта. Проворно скатившись по ступенькам, Архипов взял Полину за локоть и повел к лавке:

– Вам ведь интересно, как именно были убиты эти двое, правильно?

– В том числе.

– Так вот что я вам скажу, любезная Полина Дмитриевна, – смахивая с лавки пыль и усаживая даму, продолжил Архипов, – ранки там пустяковые на первый взгляд – точечный удар колющим предметом, даже крови не так много. Но! – он сел рядом и поднял вверх указательный палец. – Но! Удар точный, прямо в сердце. И хорошей силы, скажу я вам.

– Колющим предметом? – нахмурилась Полина, прикидывая, что это может быть. – Типа спицы?

– Ну похоже, только спица-то круглая, а здесь ромбовидная рана. Есть листочек?

Полина вынула ежедневник и ручку, и эксперт нарисовал ромб примерно два на три миллиметра.

– Вот так. И я ума не приложу, что бы это такое могло быть. И вот еще что… в карманах пиджаков обоих убитых – в верхних, где платок полагается носить, – у каждого хризантема была. Живая, – уточнил Архипов, возвращая Полине ручку и ежедневник. – В первом случае белая, во втором – сиреневая. Подувядшие, конечно, цветочки, но живые. Не думаю, что мужики эти сами себе такие аксессуары подобрали.

– То есть это убийца оставляет? Я еще от кубиков не совсем отошла, – призналась Полина, вспомнив дело Бориса Нифонтова, – а тут на подходе любитель флоры…

– Наверняка хочет, чтобы ему какое-то красивое прозвище в прессе дали, – усмехнулся эксперт, вынимая пачку сигарет. – Ничего, если я закурю?

– Я тоже курю, не напрягайтесь. – Полина быстро записывала в ежедневник информацию, полученную от Архипова. – А на трупы есть возможность взглянуть?

– Конечно. Сейчас вот покурим и пойдем. А вы, значит, любите трупы самолично осматривать?

– Работа такая, – пожав плечами, ответила Полина. – При чем тут «любишь – не любишь»? Эксперт смотрит своим взглядом, опера – своим, а следователи…

– Вот бы кто-то донес эту светлую мысль до нашей Светочки Ползухиной, – вздохнул Архипов, вкусно затягиваясь дымом. – Что человек на следствии делает – вообще непонятно. Она на месте преступления только протокол пишет под диктовку, стенографистка, ей-богу.

– Но на эти-то трупы она выезжала?

– Выезжала. А что толку? Думаете, она мне хоть один вопрос задала? К трупу подошла, на корточки рядом присела? Нет, дело не царское. Опера с ней работать не любят, кстати. Сидит в кабинете, лишний раз не повернется, все ей подайте на стол, – эксперт махнул рукой, – так что даже хорошо, что вас прислали, а то шансов найти убийцу было ноль целых хрен десятых.

– Ну я пока только материалы получила, даже не представляю, о чем речь. Но вот про орудие убийства мне очень интересно. У вас как у эксперта есть какие-то догадки?

Архипов вытряхнул из своего импровизированного мундштука окурок:

– Дурацкая привычка курить при помощи корнцанга, никак не могу отучиться. Догадки… да вот черт его знает, если честно. Что-то тонкое, довольно длинное – там глубина проникновения девять сантиметров… для спицы, как я уже сказал, острие нехарактерное…

– А шило, например?

– Ну как вариант… – Архипов пожал плечами и поднялся с лавки, подавая Полине руку. – Как вариант, – повторил он. – Но шило, как правило, толще, хотя… может, для каких-то более ювелирных работ используют инструменты потоньше, конечно. Идемте, в общем, в мою тихую обитель, там еще подумаем.

Морга Полина не боялась никогда, хотя даже от коллег слышала, что им бывает не по себе в этом заведении. В Осинске оно ничем не отличалось от тех, где она бывала раньше, – те же секционные со столами, те же шланги для мытья этих столов, холодильная камера, где дожидались своей очереди никуда уже не спешащие клиенты.

– Проходите, Полина Дмитриевна, – пригласил Архипов, входя и направляясь к самой дальней камере. – Вот тут у нас ребята и хранятся. Кого первого смотреть будем?

– Да все равно.

– Ну тогда по алфавиту – Колыванов Максим Игоревич. – Эксперт выдвинул полку и открыл мешок. – Прошу.

Полина подошла и взглянула в белое лицо покойника. Молодой мужчина лет тридцати пяти, темные волосы, высокий рост, нормальное телосложение. На груди слева едва заметное отверстие.

– Других повреждений нет?

– Нет, – подтвердил Архипов, вытягивая вторую полку. – А вот второй фигурант, Урванцев Константин Сергеевич. Как видите, рана такая же.

Полина повернулась и осмотрела второго убитого. Да, рана была такая же, но даже не это бросилось ей в глаза, а то, что оба покойника внешне походили друг на друга – рост, цвет волос, телосложение.

– Вам не показалось, Антон Аркадьевич… – начала она, и эксперт тут же подтвердил:

– Мне – показалось, а вот Ползухиной – нет. Она вообще отмахнулась, когда я намекнул, что ребятки убитые один на другого здорово смахивают.

– Надо посмотреть, что там оперативники накопали, нет ли еще какой-то связи. А в крови у них ничего не обнаружено, случайно?

– Нет. Оба были трезвы и девственно стерильны в смысле наркотических средств. Вполне благополучные ребятки-то, осматривать было одно удовольствие – и костюмчики приличные, и бельецо новое, и носочки без дырок, – усмехнулся эксперт. – Любо-дорого. Знаете, как говорила моя преподаватель судебно-медицинской экспертизы? Веселая была старуха… всегда нас учила: выходите из дома – белье смените, чтобы трупик ваш осматривать экспертам приятно было в случае чего. – Он откинул голову назад и расхохотался. – До сих пор это помню, надо же…

– Ну такое вряд ли забудешь, – улыбнулась и Полина. – А эти граждане, выходит, так и поступили, хотя вряд ли собирались на свидание с судебными медиками.

Она договорила фразу и вдруг подумала, что убитые вполне могли собираться на свидание с женщинами, например. И просто не добраться. И нужно искать таксистов, которые могли везти их куда-то. Если, конечно, убийца сам не таксист. «Интересно, оперативники эту версию не отрабатывали? – думала Полина, шагая вслед за Архиповым к выходу. – Как-то же эти двое попали за город, где поблизости нет ничего вообще? Карьер – ну, вот что там делать вечером приезжему человеку? Надо срочно звонить начальнику убойного отдела».

Попрощавшись с экспертом и записав его мобильный телефон, Полина свернула к той самой лавке, на которой они перед этим сидели, и вынула свой ежедневник, где были телефоны

оперативников. Позвонить она решила Кучерову, рассудив, что от беседы с рядовым оперативником пользы будет куда меньше.

– Вячеслав Кириллович? Добрый день, вас беспокоит старший следователь Каргополова Полина Дмитриевна. Вы не уделите мне пару минут? – сказала она, когда в трубке раздался суховатый мужской голос.

– Здравствуйте, Полина Дмитриевна. Мне сейчас не совсем удобно говорить, я на трупе. Кстати… а труп, похоже, из ваших.

– В каком смысле? – не поняла Полина.

– Способ убийства и место обнаружения, – коротко объяснил оперативник. – Хотите поприсутствовать?

– А что, Светлана Ивановна выехала уже?

– Нет. Я так понял, что теперь вы этим делом занимаетесь, как раз собирался искать контакты, а тут вы сама… Так подъедете? Я машинку организую, скажите, откуда вас забрать.

– Я у бюро судебно-медицинской экспертизы.

– Вообще здорово, сейчас подъедет водитель. Как вас найти?

– Меня искать не нужно, я сижу на скамье, на мне форма и темно-синий плащ.

– Понял, – коротко бросил Кучеров, – тогда жду вас здесь, мы пока осмотримся.

Полина сунула телефон в карман плаща и задумалась. Значит, третий труп… Ну что ж, выходит, все-таки серия, если совпадает способ убийства и обстоятельства гибели. Наверняка убитый – темноволосый высокий мужчина нормального телосложения. «Между прочим, в свежем белье, – усмехнулась Полина, закуривая и вспоминая слова эксперта Архипова. – Похоже, надо поискать в сторону каких-то романтических знакомств. Может, сайты какие-то, что-то еще – ну не знаю, где сейчас люди друг друга находят? И таксистов надо отработать».

Психотерапевт

Утром во время зарядки свело судорогой правую руку, да так, что казалось, шея не поворачивается, а боль в правой половине тела не давала покоя даже под душем. «Ну возьми себя в руки, на работу ведь… Пациентам все равно, что и где у тебя болит, у них свои заболевания. А ты врач, ты не имеешь права раскисать и показывать свои слабости».

Уговоры не очень помогли, пришлось позвонить приятелю-реабилитологу и попросить принять немедленно, до всех его клиентов. К счастью, центр реабилитации располагался через улицу, если поторопиться, даже не работу не опоздаешь.

После блокады стало полегче, но настроение все равно было испорчено – собственное нездоровье всегда переносилось с трудом. Маша встретила неизменной улыбкой и фразой:

– Цветы я поменяла.

– Спасибо. Кто у нас первый сегодня?

– Ваша любимица Уварова, – усмехнулась Маша. – Карточка на столе.

– Почему же любимица? Я ко всем одинаково отношусь… хорошо, как придет – приглашайте, пусть проходит. Интересно, сегодня трезвая явится? Она, кстати, рецепт у вас не просила?

– Рецепт? Нет, а что?

– Да так… выпивает она, вот что. Боюсь, что однажды запьет препараты спиртным – и привет… Не хотелось бы.

– Ой, да она, мне кажется, больше симулирует, – скривилась Маша.

– Было бы неплохо, но, увы, это не так. Ладно, Маша, пойду я… пока время есть, настроюсь на Уварову.

Пациентка явилась минута в минуту, привычным жестом скинула туфли, устроилась на кушетке и поджала под себя босые ноги:

– Погода-то какая, а? Вы это замечаете, доктор? Как будто лето, только желтого цвета. В такие дни хорошо пить глинтвейн где-нибудь на природе…

– Мы ведь договаривались насчет «пить», помните? Я, Валентина Павловна, отменю вам все препараты, если это не прекратится.

– Вы шутите? – Уварова округлила глаза и прижала к груди руки. – Доктор, так нельзя, это же не по-человечески! Я спать не могу… ко мне муж приходит…

– Опять?

– Да! Я увезла на кладбище его ремень, закопала там, а через два дня муж опять явился и говорит – ремень, мол, не тот, по цвету к костюму не подходит! А самое ужасное… – Уварова всхлипнула, порылась в сумке и, не найдя там платка, сдернула шейный и прижала к глазам. – Знаете, доктор, что самое ужасное? Я не помню, в каком костюме его похоронила! Как же я теперь ремень-то подберу?

– Ну ремень не галстук все-таки, его под пиджаком не особенно видно.

– Вы не понимаете! Мой муж был педантом, знаете, до одури… Это просто психическое что-то было, – Валентина округлила глаза. – Он подбирал носовые платки в цвет носков, представляете?

– Возможно, ему так было комфортно.

– Да?! А мне было комфортно бегать по бутикам в поисках носков и платков одного цвета? Он даже после смерти заставляет меня заниматься черт знает чем!

– Так не занимайтесь. Для него это уже не имеет значения.

– Конечно! Он тогда совсем меня замучает своими визитами! – перешла на фальцет Уварова. – Как я без таблеток это переживу, скажите?!

– Успокойтесь, Валентина Павловна. Если обещаете не пить спиртного, я таблетки отменять не стану.

Через час, когда Уварова ушла, накатила вдруг такая усталость, словно это был не разговор, а разгрузка вагона с цементом. «Нет, так просто невозможно. Зачем я пытаюсь вести с ней какие-то беседы? Какой в этом смысл? Может, проще назначить ей такую дозу препаратов, чтобы она спала сутками и прекратила эти свои беседы с усопшим о несоответствиях в его гардеробе? А еще лучше бы отдать ее кому-то. Может, правда, сосватать Уваровой кого-то из коллег? Устроить диверсию конкурентам? Неэтично, конечно, но своя-то голова дороже. А то через месяц плотного общения я тоже начну видеть ее покойного мужа и выбирать ему ремни к брюкам для удобства загробной жизни».

– Вам кофе сварить? – в дверном проеме возникла головка Маши.

– Мне бы водки граммов сто…

– Водки нет, но есть коньяк, – совершенно серьезно сказала секретарша.

– Это была шутка. У меня весь день забит, как я с перегаром работать буду? Дина Александровна, кстати, не звонила? У меня мобильный выключен.

– Нет. А должна?

– Может. Если вдруг позвонит, скажите, что меня сегодня нет и вообще не будет. И где я – вы не знаете.

Маша понимающе кивнула и закрыла дверь, но потом вернулась:

– Так кофе-то варить?

– Да. И покрепче.

Мэр

В себя Анита пришла только в кабинете, не помнила даже, как добралась туда. Наверное, Славцев с водителем привезли, как же иначе. Она нажала кнопку интеркома, и Натан тут же отозвался:

– Слушаю, Анита Геннадьевна.

– Зайдите, пожалуйста, ко мне.

Славцев шагнул в кабинет и замер у двери. Этот молодой парень работал референтом у мэра уже три года, Анита сама пригласила его, когда проводила встречу с выпускниками местного филиала юридического института. Молодой человек задавал ей такие толковые и грамотные вопросы, что Анита даже слегка терялась. После встречи она сама подошла к нему и спросила, как он отнесется к ее предложению поработать в мэрии на должности ее референта, и Натан согласился. Это место давало ему хорошие перспективы и возможности, для выросшего в довольно бедной семье парня то был отличный старт, и Славцев старался изо всех сил, довольно скоро став для Аниты незаменимым. Натан умел все – от варки изумительного кофе до ведения деловой переписки, содержал в порядке все документы и мог не глядя вытащить любой из них по первому требованию. Он знал всех сотрудников мэрии по именам и в лицо, даже дежурных полицейских на рамке металлоискателя, его обожали гардеробщицы и уборщицы, с которыми он был точно так же вежлив и предупредителен, как и с Анитой, например. Человеческие качества Натана Анита ценила, пожалуй, даже больше деловых.

– Натан, позвоните, пожалуйста, в ГУВД, узнайте подробности задержания протестующих на бульварах.

– Вы хотите конкретные имена?

– Я хочу узнать, кто все это организовал. И, кстати, кто пригласил туда телевизионщиков, – раздраженно бросила Анита, представляя, как в вечерних новостях увидит свое испуганное лицо и эти мерзкие надписи на плакатах. Пережить подобное во второй раз казалось ей просто непосильным.

– Да, я сейчас же все выясню, – кивнул Славцев. – Может, вам капелек успокоительных принести?

– Спасибо, не надо. Лучше кофе.

Через пять минут Натан принес чашку кофе, а еще через пятнадцать – присланную из ГУВД справку о задержанных. Ни одна из фамилий ей ни о чем не говорила, но ожидать, что кто-то из ее конкурентов окажется среди протестующих, было бы по меньшей мере наивно.

– А что вообще говорят, кто организатор? Кто-то ведь явно оплатил эту акцию. – Анита брезгливо отбросила распечатку на угол стола. – Все задержанные не старше тридцати, думаете, им нечем больше заняться? Я в том смысле, что бесплатно они вряд ли согласились бы. Так кто все это финансировал?

Натан пожал плечами:

– Пока сведений нет.

– Да их и не будет! – раздраженно огрызнулась она. – Никто работать не хочет!

– Ну вам ведь не нужно, чтобы подобные показания были получены путем давления? Правозащитники поднимут вой, потому что все это сразу же станет им известно. Не уверен, что такая реклама…

– Прекратите, Натан! – Анита даже по столу ладонью хлопнула, возмущенная таким предположением. – Существует масса иных способов это узнать!

– Я вас понял, – коротко ответил Натан и склонил голову. – Могу идти?

– Да. И, пожалуй, действительно принесите мне успокоительных капель.

Решить вопрос с телеканалом не удалось, но Анита даже не сомневалась, что так и случится – еще бы, горячий материал, мэр сталкивается нос к носу с оппозицией и совершенно не понимает, как себя вести. Значит, выпуск новостей увидят все – его показывают трижды, а это значит, что ее растерянное испуганное лицо появится на экранах во всех квартирах города. Отличная поддержка перед выборами…

«Как же я хочу сейчас лечь в ванну и ни с кем ни о чем не говорить! – думала Анита, рассеянно глядя в окно машины, везущей ее домой. – Но ужин… и Кику… Это Саша завел традицию собираться за ужином всей семьей, так как ни завтракать, ни обедать вместе не получалось из-за разницы в расписаниях. Но ужин – это для него было святое, нерушимая традиция. И теперь, когда Саши нет, мы с Кику вынуждены ее соблюдать, хотя терпеть друг друга становится все тяжелее. Я устала от ее выходок, от ее манеры себя вести и разговаривать. Она бесит меня и выводит из равновесия, возле нее всегда даже воздух наэлектризован, одно неловкое движение – и разряд. Почему она не хочет уехать? Купила бы квартиру, жила бы в центре, зачем ей всякий раз ездить на окраину? Но нет – она словно нарочно никуда не переезжает, чтобы иметь возможность изводить меня своим присутствием».

Вдруг Аните пришло в голову, что падчерица может быть как-то причастна к сегодняшним безобразиям на бульварах. А что? Деньги у Кику водились, она запросто могла оплатить такой митинг – отец оставил именно ей две трети своих денежных сбережений, об этом Анита с неприятным удивлением узнала только после оглашения завещания. Сумма была приличная, и Анита долго обижалась на мертвого супруга за такую несправедливость. От этой обиды ей иногда даже слышался Сашин глуховатый голос, убеждающий ее в том, что Кику не справится одна, ей непременно нужна помощь, в том числе и финансовая, а она, Анита, взрослая, умная и сильная женщина, способная позаботиться о себе сама. Можно подумать, речь шла о несмышленом ребенке, а не о взрослой женщине за тридцать! Кику получила хорошее образование, могла бы работать, писать научные статьи – но предпочитала заниматься разведением цветов, которые больше отнимали, чем приносили взамен. Однажды Анита осторожно спросила, почему Кику не выставит на продажу хотя бы то, что у нее в нескольких экземплярах, ведь коллекционные сорта стоят дорого, но получила такую отповедь, что зареклась вообще подходить к оранжерее.

Отношения с падчерицей не сложились с первого дня, и, хотя Анита честно пыталась как-то это изменить, ничего так и не вышло. Прошло двадцать лет, а они так и остались чужими друг другу, более того – враждебное отношение Кику стало вызывать у Аниты ровно такую же реакцию. «Две женщины с неустроенной личной жизнью не должны жить под одной крышей, – думала Анита, пока машина въезжала в ворота ее дома. – Кику могла бы выйти замуж, например… а мне сейчас не до этого. Да и статус вдовы профессора нравится мне куда больше, чем звание чьей-то жены. Второго Саши в моей жизни уже не будет. Ах, если бы не Кику… все могло сложиться совсем иначе…»

Ей никогда не приходило в голову, что ее увлеченность политикой и карьерой могла стать причиной гибели мужа. Удобнее было считать, что Саша не смог перенести поставленного ему диагноза, а потому свел счеты с жизнью. Анита бессознательно снимала с себя ответственность за состояние мужа, за то, что не заставила его вовремя обратиться к врачам, не потребовала этого, не поддержала, в конце концов, настаивавшую на этом Кику – вдвоем они могли бы уговорить Сашу, и тот был бы теперь жив. Но Анита, панически боявшаяся врачей, болезней и больниц, всеми способами гнала от себя мысли о Сашином нездоровье, а потом оказалось слишком поздно. Но, конечно же, политика и карьера были тут ни при чем – так она думала. А Кику, маленькая дрянь, разумеется, затаила на нее злобу и за это – в кои-то веки она была согласна пойти на компромисс, а Анита его отвергла.

«Мой собственный дом напоминает мне не надежную крепость, а тюрьму, где в камеру в любую секунду может войти палач, – тяжело поднимаясь по ступенькам на второй этаж, размышляла женщина. – Как такое может быть – в дом, строившийся и отделывавшийся с такой любовью, нет никакого желания возвращаться? Разве так должно быть? Это ведь чудовищно».

Но изменить что-либо она не могла – не вышвыривать же падчерицу из ее половины. Кстати, домработница отказалась дать Кику запасные ключи, и это, конечно, наглая девица тоже использует против нее – как будто Анита отдала такое распоряжение Галине Васильевне.

«Живу так, словно хожу не по дороге, а по горячим углям. На работе неприятности, дома нет возможности расслабиться – как долго я просуществую в таком режиме? И эти убийства…»

После ванны Анита устроилась с чашкой чая в гостиной, укуталась в плед и включила телевизор. Новости оказались еще хуже, чем она могла себе вообразить. И дело было вовсе не в сюжете, где она выглядела растерянной и испуганной, а в том, что за городом нашли труп еще одного молодого мужчины.

Следователь

Полицейская «дежурка» привезла ее на окраину города, к заброшенным складам цементного завода – их давно перенесли в другое место и сделали современными, отвечающими всем требованиям. Эти же несколько ангаров постепенно разваливались. Данную информацию Полина получила от пожилого усатого сержанта, сидевшего за рулем «дежурки». Он с интересом поглядывал на Полину в зеркало заднего вида и попутно рассказывал о тех районах Осинска, которые они проезжали, заодно упомянув и о месте нового преступления.

– И что же – на этих складах вообще никто не бывает? – спросила она, и сержант подтвердил:

– Даже бомжи не ночуют. Там же все в пыли цементной, дышать долго невозможно. Вот что этого терпилу туда понесло, как вы думаете?

– Ну, видимо, что-то понесло, раз его там нашли. Вопрос в другом – как именно он туда попал, приехал же на чем-то? В городе много фирм такси?

– Крупных две, а частники у нас извозом не занимаются, так уж повелось. Кто дорожит своей жизнью и машиной, те с обочин людей не подбирают.

– Это почему еще?

– А потому, что у нас тут строго с этим. Есть легальные фирмы – там и катайтесь, – уклончиво ответил сержант и умолк, а Полина поняла, почему он не хочет говорить – явно «легальные» фирмы платят дань, как в старое доброе время, кому-то, кто убирает с дороги конкурентов.

Когда машина остановилась у одного из ангаров, к ней сразу направился огромный широкоплечий мужчина в распахнутой кожаной куртке и темно-серых джинсах. У него было открытое простое лицо с какими-то рублеными чертами и глубоко посаженными глазами.

– Это за вами, – сказал сержант. – Майор Кучеров, начальник убойного.

Тот уже открыл дверку и подал Полине руку, помогая выйти:

– Очень хорошо, что вы приехали. Я майор Кучеров Вячеслав Кириллович, можно просто Слава.

– Тогда я тоже просто Полина. Итак, что мы имеем? – спросила она, шагая вслед за Кучеровым в ангар.

– Имеем труп мужчины, на вид лет тридцати пяти – сорока, одет в синие джинсы, кожаную куртку и черную футболку. Смерть, по словам эксперта, наступила вчера вечером, около двадцати одного – двадцати двух часов, не раньше. В пятом межреберье слева – колотая рана, нанесенная острым предметом. В принципе, все как под копирку, – отчитался майор. – Да вон, смотрите сами. Зря Архипов не приехал, кстати, я как-то не догадался, взял дежурного эксперта, но он заключение напишет, а вскрывать уже Никитич будет. Вы, я так понял, познакомились?

– Да. Я и трупы осмотреть успела.

– Оперативно, – оценил Кучеров. – Ну и как? Ваши клиенты?

– Знаете, Слава… то, что я однажды раскрыла серию убийств, вовсе не сделало меня большим специалистом в этой области, – сказала Полина, останавливаясь. – И, если уж быть

честной до конца, мне не особенно нравится, когда меня таковым считают. Я раскрыла и довела до суда довольно много дел, иначе, наверное, не продвинулась бы по службе. А дело Нифонтова было для меня ровно таким же, как и все остальные. Не моя вина в том, что журналисты – в том числе и сам Нифонтов – сделали все, чтобы придать ему огласку.

– Послушайте, Полина, а почему вы так оправдываетесь, словно не поймали убийцу, а на свободу его выпустили?

– Наверное, потому, что на суд его вывести так и не смогла, – с досадой ответила Каргополова.

– Ну бывает. Главное-то вы сделали – нашли его, вычислили, остановили. В чем же себя винить?

– Давайте, Слава, лучше насущными вопросами займемся, а о деле Нифонтова в другой раз поговорим.

Кучеров поднял вверх обе руки:

– Я понял, извините. Тут, пожалуйста, аккуратнее, кругом кирпич битый, не споткнитесь. Давайте я впереди пойду. – Он обогнул Полину и углубился в полумрак ангара.

Полина двинулась следом, стараясь смотреть под ноги – кирпичные обломки торчали тут и там, представляя реальную опасность. «Хорошо, что у меня нет привычки выезжать на место преступления в туфлях на каблуке – сейчас бы точно ногу сломала», – подумала она и тут же оступилась, едва не потеряв равновесие. Кучеров вернулся и, молча взяв Полину за руку, повел за собой. Каргополова вдруг поняла, что покраснела, и разозлилась на себя за то, что не испытывает желания руку высвободить.

– Ну вот наш новый убиенный, – остановившись, сказал Кучеров.

Полина вышла из-за его спины и увидела лежащего на спине мужчину с темными волосами. Рядом с трупом на раскладном табурете сидела полная немолодая женщина в хирургическом костюме и накинутой на плечи куртке. Она что-то записывала в протокол осмотра и даже головы не подняла, не обратила внимания на подошедших.

Полина присела на корточки и осмотрела рану на груди убитого.

– Тот же ромбовидный след? – спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Не знаю, что вы имеете в виду под словами «тот же», – откликнулась эксперт. – Но рана ромбовидной формы, размеры примерно два на три миллиметра.

– Понятно. Никаких иных повреждений?

– Визуально – нет. Кровь надо смотреть, возможно, какой-то препарат. Но это уж пусть Архипов занимается.

Полина поднялась:

– Скажите, Слава, документы какие-то есть?

– Паспорт на имя Венгерова Игоря Михайловича, одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года рождения. Прописан в областном центре.

– Тоже, значит, иногородний… давайте искать связь. В первую очередь я бы таксистов отработала. Ваш сержант-водитель меня просветил насчет здешних порядков в этой сфере, так что, думаю, на обе фирмы уйдет не больше суток, так ведь?

– Лейтенант Речковский как раз туда выехал сегодня. Мне тоже показалось, что с этого стоит начать – как-то ведь они попадали за город, потерпевшие-то? Мы, правда, два предыдущих места обнаружения прочесали на предмет следов от протекторов, но… – Кучеров развел руками. – Здесь, конечно, тоже посмотрели, результат отрицательный. Но это не значит, что Венгеров сюда пешком пришел. И потом – что делать иногороднему человеку в заброшенных ангарах? Сомнительная достопримечательность.

– Но ведь его могли убить не здесь, правда?

– Нет, – решительно сказал майор. – Его убили здесь, кровь была под ним, он на животе лежал, это уже мы его после всех процедур перевернули для осмотра. Там просто темновато, но вот возьмите, посмотрите.

Полина взяла протянутый оперативником фонарик и осмотрела то место, которое ей ручкой указала эксперт. Крови было немного, она давно свернулась и выглядела коричневым пятном неопределенной формы. Полина распрямилась, и луч фонарика упал на лацкан куртки убитого. Там что-то заблестело, и Каргополова, присев рядом, внимательно всмотрелась в это место.

– Вот здесь смыв возьмите, – попросила она криминалиста, худого долговязого мужчину, возившегося у своего раскрытого чемодана.

– Зачем?

– Посмотрите, – она перевела луч фонарика на второй лацкан, но там ничего не поблескивало. – Видите? Здесь следы какого-то вещества, надо проверить.

Криминалист взял смыв, упаковал пробирку с тампоном:

– Хорошо, посмотрим.

– И осмотрите, пожалуйста, вещи других потерпевших на предмет наличия такого же вещества.

– Сделаем, – коротко бросил криминалист.

– Что-то нашли? – Кучеров, прижав щекой к плечу мобильный, повернулся к Полине.

– Да, блестит куртка справа.

– Если там что-то есть, наш Индиков это непременно обнаружит, да, Витенька? – Эксперт только головой кивнул, не удостоив майора ответом. – Вот видите, Полина, какой он немногословный? Зато исполнительный и въедливый.

– Кучеров, отстань! – огрызнулся криминалист. – У тебя дел нет больше? Так поезжай к себе и там на подчиненных упражняйся в остроумии.

– А я тебя хвалил следователю… – Кучеров махнул рукой и скроил расстроенную мину. – Ладно, Полина, оставим спеца в покое, посмотрим лучше, что тут и как, да протокол напишем.

– Погодите… а цветок?

– Что – цветок?

– Ну цветок есть у него в кармане?

Криминалист молча показал ей полиэтиленовый пакет, в котором лежала увядшая бледно-розовая хризантема.

Из ангаров они вернулись поздно, Полина попросила отвезти ее в гостиницу, чтобы в тишине иметь возможность почитать материалы и свести их с тем, что она узнала и увидела сегодня. Кучеров проводил ее до номера и сказал, что утром зайдет в прокуратуру с отчетом Речковского о таксистах.

В номере Каргополова в первую очередь встала под душ, а уж потом, закутавшись в халат, устроилась в кресле с телефоном, чтобы позвонить Льву.

– Поздновато гуляете, дамочка, – сказал муж. – Заработалась?

– Пока я пыталась понять, что произошло с первыми двумя, погиб третий, – удрученно пожаловалась Полина. – Чувствую себя виноватой.

– Если не сама его убила, то не терзайся, – рассмеялся Лев.

– Лева, это вообще не смешно. Третий человек погиб…

– Да ты еще толком материалы не изучила, а уже себя винишь в бездействии! Там что – без тебя никто не работал?

– Нет, что ты… оперативники тут отличные, и судмедэксперт… следователь, правда, молодая совсем и, кажется, не очень опытная. Но я разберусь, конечно. Сейчас вот прочитаю все, что уже есть, начну выяснять связь между убитыми…

– Ты поела хоть раз? – перебил муж, и Полина только теперь вспомнила, что выпила утром кофе с каким-то бутербродом – и все. – Молчишь? Значит, не ела вовсе. Поля, мне что – звонить тебе трижды в день с напоминанием о необходимости поесть?

– Ой, Лева… я заработалась просто. Сперва к мэру, потом в прокуратуру, оттуда сразу в морг, а там дернули на новый труп. Пока все осмотрели, расписали… Сейчас закажу ужин в номер, честное слово, – пообещала она, и муж тут же потребовал:

– Мне пришлешь фото ужина. И не спорь.

– Домостроевец!

– Будь это так, ты бы сейчас дома суп варила и уроки у дочери проверяла.

– Ладно-ладно, я все поняла. Как дети?

– Иван давно спит, а Инка все пишет и пишет, как Пушкин.

– Да скорее как Баженов.

– Это кто еще?

– Театральный критик девятнадцатого века, – объяснила Полина, сама узнавшая о существовании такового только в поезде по дороге в Осинск.

– Это куда же дочь наша метит-то? В богему? – притворно ужаснулся Лев. – Но, с другой стороны, это лучше, чем в прокуратуру.

– Лева!

– Ладно, шучу. В общем, пишет весь вечер.

– Ты ей напомни, что она мне обещала прислать на почту свою статью, – попросила Полина. – Пора мне ужин заказывать и за дело браться. Целую. Завтра позвоню.

– Буду ждать.

Заказав ужин и действительно отправив мужу снимок сервированного столика, Полина, конечно, тут же забыла о его существовании и углубилась в чтение материалов, даже не заметив, как за окном совсем стемнело и зажглись фонари.

Психотерапевт

«Отпуск мне нужен. Хороший такой отпуск, полноценный, со сменой обстановки. Полететь куда-нибудь… да, к морю бы хорошо, еще ведь можно купаться. Или просто лежать на пляже, прихватив плед и какую-нибудь книгу. Да, точно. Так будет правильно. Человек должен отдыхать, невозможно при моей профессии не перезагружать голову, иначе сравняешься с пациентами. Чужие проблемы и странности заразны, кто бы что ни говорил. И от них всегда хочется отмыться – что после работы, что в отпуске. Поэтому я так люблю море».

Море… огромная сине-зеленая водная гладь, простирающаяся на многие километры, так, что не видно очертаний берега. Так хорошо отплыть подальше, лечь на спину, раскинуть руки и смотреть в небо, которое является словно бы зеркальным отражением. Море снизу, море сверху… Жаль, что нет возможности туда поехать, да и вообще за всю жизнь подобное удалось лишь пару раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.